

Новиков же позднее признавался, что находился «на распутьи между вольтерьянством и религией»,²⁶ это и привело его к вступлению в масонскую ложу в 1775 году. Для него, как и для участников созданного им «Дружеского ученого общества», это был не отказ от православия, но продолжение поисков «истинного христианства», неразрывно связанного с высоким представлением о христианском милосердии — «любы», и со стремлением принести пользу своим соотечественникам. Одновременно он оставался убежденным поборником идей Просвещения, о чем свидетельствует и виньетка на титуле переведенного им сочинения Шампюна, представляющая атрибуты наук и искусств: книги, глобус, палитра и кисти художника, музыкальные инструменты. Несмотря на все сомнения, он выбрал свой путь и продолжал с еще большим размахом издательскую, филантропическую, просветительскую деятельность. В 1790 году незадолго до своего ареста Новиков выпустил в свет изданную возглавлявшейся им Типографической компанией книгу «Сочинения г. Д'Аламберта, одного из славнейших и редких писателей».²⁷

Внеся огромный вклад в дело отечественной культуры и образования, он способствовал развитию литературных талантов многих своих младших современников, среди которых были и М. Н. Муравьев, и Н. М. Карамзин.

²⁶ См.: Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартиности. СПб., 2000. С. 118.

²⁷ Сочинения г. Д'Аламберта, одного из славнейших и редких писателей / Пер. с фр. [И. Г. Харламова]. М.: Тип. Компании типографической, 1790. Ч. 1; также см.: Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. С. 70–113; Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке. М., 2006. С. 239.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-40-46

© Ю. А. Долгих

ПОЧЕМУ ЛЕШИЙ КОЗЛОНОГИЙ: АНТИЧНЫЙ СЛЕД В ОСВОЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА*

В поэтическом послании «К Воейкову» (1814) лирический герой В. А. Жуковского мечтательно погружается в мир «древних чудес», наполненный персонажами русских сказок: здесь Царь-девица, баба Яга, русалки, и среди них — «вдруг из-за седого пня выходит леший козлоногий».¹

Ассоциация русского лешего с античным сатиром может показаться неожиданной, если учесть сложившееся традиционное представление о нем как о лесном старичке, который часто своим видом напоминает сухое дерево или пеня.² Впрочем, в художественном представлении контаминация образов славянского лесного духа с его античным аналогом не является редкостью: достаточно вспомнить полотно М. А. Врубеля конца XIX века «Пан» из серии «Сказочный цикл», на котором герой картины имеет явные черты русского лешего. В начале XIX века наблюдается обратная взаимосвязь: под именем персонажа славянской мифологии часто изображается греческий лесной полубог.

Конечно, судить только по одной детали образа у Жуковского было бы поспешно. Большинство исследователей подчеркивают зооморфизм лесных духов, и в этой связи

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00856, <https://rscf.ru/project/24-28-00856/>, СПбГУ.

¹ Жуковский В. А. К Воейкову. Послание // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 312.

² Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004. С. 250.

«козлиные ноги» лешего интерпретируются как маркер его звериной сущности либо принадлежности к нечистой силе по ассоциации с козлиными ногами черта.³ Легенда о том, что падшие духи, оказавшись на земле, превратились в леших и водяных, имеет отголоски в фольклорной традиции и по сей день. Подобные сюжеты могут происходить из апокрифических преданий о падших ангелах.⁴ Так, в конце XVIII века у И. Н. Болтина описано крестьянское поверье, согласно которому падшие духи были низринуты «одни в леса, другие в воду, трети в поля <...>. Оставшиеся в дремучих лесах называются лешими, в водах воденики, в полях и рощах русалки, в домах сожительствуют людям домовые».⁵ На переосмысление отношения к мифологическим существам в первой половине XIX века обращал внимание И. М. Снегирев, когда писал о русалках как о речных богинях, которые при переходе Руси от язычества к христианству стали восприниматься как духи, враждебные человеку.⁶ Это способствовало тому, что в народном представлении лешие и русалки из «нейтральных» локальных духов превратились в демонов.

Однако если рассуждать о чертах внешнего облика лешего, можно заметить, что в конце XVIII — начале XIX века наделение этого персонажа козлиными рогами и ногами в литературном изображении, скорее всего, имело другую причину, связанную прежде всего с влиянием античной тематики. Оформление образа складывается по мере его закрепления в искусстве: так, ближе к середине XIX века черты славянского лесного духа становятся все более специфическими и ярко выраженными. Например, на рисунке Е. И. Ковригина⁷ (1846) (ил. 1) еще можно усмотреть некоторое влияние античного прототипа, но все-таки в большей степени детали прорисовки свидетельствуют о том, что художник старался придать ему типаж, соответствующий национальным преданиям: перед зрителем предстает сидящий на камне человек полувзвериного вида, с бородой и шевелюрой, напоминающей листву, из которой торчат два древесных сучка.

Литературное оформление образа лесного духа происходит раньше. Так, у П. А. Катенина в балладе 1815 года леший заманивает ребенка в чащу и показывается ему в виде седого старичка, имеющего «вид насмешливый и злой».⁸ По свидетельству Н. И. Бахтина, в основу баллады Катенина легло «старинное поверье о леших», а ее

Ил. 1. Е. И. Ковригин. Леший (Иллюстрация, 1846, т. 2, № 21, 8 июня)

³ Маркин П. Ф. Славянская мифология как мировосприятие и текст русской литературы. Барнаул, 2009. С. 88.

⁴ Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды русского Севера. СПб., 1996. С. 84.

⁵ Болтин И. Н. Примечания на историю древних и нынешних России г. Леклерка. [СПб.], 1788. Т. 1. С. 112.

⁶ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839. Вып. 4. С. 13–14.

⁷ [Ковригин Е. И.]. Леший // Иллюстрация: еженедельное издание всего полезного и изящного. 1846. Т. 2. № 21 (57). 8 июня. С. 338.

⁸ Катенин П. А. Леший // Сын отечества. 1815. Ч. 26. № 47. С. 59.

сюжет типичен для народных сказок.⁹ Таким образом, можно утверждать, что Катенин лишь воспроизводит устойчивый фольклорный мотив, легко узнаваемый современниками. Но почему Жуковский, опубликовавший послание к Воейкову всего лишь годом ранее Катенина, изображает того же демонологического персонажа «козлогим», подобно античному сатиру?

Заметим, что в послании портрет лешего как таковой отсутствует: есть лишь указание на легко узнаваемый атрибут образа, аналогичный «хохоту русалки». Жуковский, как и большинство современников, ограничивается легким штрихом в характеристике мифологического персонажа, по сути просто называя его и не раскрывая образ.

Возможно, объяснение параллельному сосуществованию двух разных типов одного персонажа кроется в традиции, которую наследует литература XIX века из произведений предшествующего столетия. Так, в основу басни В. К. Тредиаковского «Леший и мужик»¹⁰ (1752) легла басня Эзопа под названием «Человек и Сатир». Сюжет повествует о том, как сатир приходит в гости к крестьянину и смущается, видя, что человек дует сначала на ладони, чтобы их согреть, а потом на еду, чтобы ее остудить, и делает вывод о двуличной натуре хозяина, отказывая ему в дружбе. Этот сюжет приобрел широкое распространение в Европе и лег в основу многих произведений литературы, а также живописи и других изобразительных искусств. В древнерусской литературе он известен в форме притчи «О человеце и о дивием мужи сатыри», заканчивающейся морализаторским выводом, который произносит сатир: «...от единых сих уст горячее и стуженое износиши».¹¹ Та же басня известна в переложении А. П. Сумарокова под заглавием «Молодой сатир».¹² Но Тредиаковский, оставляя сюжет о встрече человека и лесного духа, заменяет сатира на лешего, не вводя в его изображение никакой дополнительной национальной специфики, что позволяет заподозрить, что в представлении автора сатир и леший мыслились как один и тот же персонаж. Более красноречиво свидетельствует об этом другой пример, относящийся к концу XVIII века, — сочинение М. И. Попова «Старинные диковинки» (1788). Эти сказки, выдержавшие четыре переиздания,¹³ насыщены сюжетами, в которых русские и греко-римские имена мифологических персонажей употребляются как синонимы. Например, Русалка, именуемая в том же тексте Нимфой и Няждой, убегает по лесу от влюбленного в нее Лешего, который в то же время именуется здесь и Сатиром: «...этот волк <...> был Сатир здешних лесов <...> все его презирали, и ругались козлиными его прелестями <...>. Сей мерзкий Сатир <...> напал на меня нечаянно. Я <...> бросилась в кустарник. Но Леший приметя мою хитрость, и превратися сам в волка, погнался за мною».¹⁴

Сюжет о влюбленном лешем, преследующем русалку,¹⁵ разворачивается в балладе А. Шидловского «Леший» (1827), где герой своим обликом и поведением напоминает греческого полубога: «Таился Леший за сосной, прикрыв рога ветвями. Венком увенчано чело».¹⁶

Можно было бы предположить, что подобные образные контаминации являются только продуктом индивидуального художественного эксперимента. Однако, по видимому, писатели начала XIX века опираются на уже сложившуюся традицию, предание о которой дают словари славянской мифологии, находившиеся практически

⁹ [Бахтин Н. И.]. О стихотворениях г. Катенина // Вестник Европы. 1823. № 3/4. С. 203.

¹⁰ Тредиаковский В. К. Леший и мужик // Тредиаковский В. К. Соч. и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подг. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 137–138 (сер. «Литературные памятники»).

¹¹ Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьев, Л. И. Алехина. М., 1991. С. 198 (№ 122).

¹² Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 7. С. 89–90.

¹³ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2. С. 450.

¹⁴ Попов М. И. Старинные диковинки, или Приключения славенских князей. 2-е изд. СПб., 1778. С. 46–47.

¹⁵ Этот сюжет восходит к античному мифу о пане, влюбленном в нимфу, которая, спасаясь от своего преследователя, убегает к реке.

¹⁶ Шидловский А. Леший. Предание (Подарено И. Ф. К.) // Славянин, военно-литературный журнал, издаваемый А. Воейковым. 1827. Ч. 3. № 27. С. 67.

Ил. 2. Леший на иллюстрации к мифологическому словарю С. И. Ушакова «Начертание славянской мифологии» (Начертание мифологии в пользу юношества обоего пола... соч. аббатом Лионне, СПб., 1815, ч. 4, фиг. 9)

в каждой частной библиотеке. В первую очередь это словари М. И. Попова (1768), М. Д. Чулкова (1782), Г. А. Глинки (1804) и А. С. Кайсарова (1807). В этих мифографических изданиях описания известных демонологических персонажей различаются лишь некоторыми деталями, свидетельствующими не столько о неустойчивости представлений, сколько о разности источников, которые привлекали составители. В целом же образы популярных персонажей русских сказок оказываются почти одинаковы. Так, Попов в 1768 году пишет, что лешие «почитались у славян лесными богами, которых чин имели у прочих язычников сатиры».¹⁷ В том же ключе пишет и Кайсаров в 1807 году: «Лешие были лесные божества, или подлиннее греческие сатиры». Однако за устойчивым описанием, в котором слиты черты славянской и греческой мифологии, следует недоумение самого исследователя: «...удивительно без сомнения, как могло произойти такое сходство между славянским и греческим божеством».¹⁸ Для примера приведем также комментарий из словаря С. И. Ушакова (1815), который, как и в вышеупомянутых мифографических изданиях, описывает леших «в получеловеческом виде, наподобие греческих сатириков, с козлиными рогами, ушами и ногами».¹⁹ По всей видимости,

¹⁷ Попов М. И. Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями. СПб., 1768. С. 21.

¹⁸ Кайсаров А. С. Славянская мифология. М., 1807. С. 122–123.

¹⁹ [Ушаков С. И.]. Начертание славянской мифологии. Часть четвертая // Начертание мифологии в пользу юношества обоего пола / Соч. аббатом Лионне, почетным членом Нанской коллегии... СПб., 1815. Ч. 4. С. 15.

словарь Ушакова — единственное русское учебное мифографическое издание данного периода, в котором есть изображения персонажей низшей славянской мифологии. Других изданий начала XIX века, содержащих в себе рисунки славянских духов, автору статьи пока обнаружить не удалось. «Славянская мифология» Кайсарова содержит иллюстрации, но они представляют лишь основной пантеон. Рисунки в книге Ушакова, помимо богов, изображают и низших духов — кикимору, домового, русалок и, конечно, лешего. Последний, как видно на рисунке (ил. 2), внешне соответствует облику сатира, хотя здесь появляется важная деталь: гуляющий в лесу «лесной бог» равен ростом с деревьями, что свидетельствует о привнесении элементов национальных поверий о том, что леший изменяет свой рост.²⁰

Разумеется, античные реминисценции в словарях «русского баснословия» затрагивают не только леших, но также и других персонажей славянской мифологии: например, кикимора в большинстве случаев описывается как аналог бога сонных мечтаний Морфея, а русалки повсеместно именуется нимфами и наядами.

Такое сочетание античных реминисценций с элементами демонологии кажется закономерным результатом пробудившегося в конце XVIII века интереса к национальной мифологии. Ранние этнографические исследования предоставляли материалы для изучения специфических особенностей народных обрядов и суеверий. Так, в «Словаре русских суеверий» (1782) М. Д. Чулков, одним из своих источников имевший труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1775), ни слова не говорит о «козлиных ногах» и «рогах» лешего, но описывает его внешний вид, делая акцент на его «костматости» и этнографическо-фольклорной специфике образа. Здесь нет ничего общего с обликом античного сатира: лешие бывают «мужеска и женска пола», они «кричат ужасно, хлопают в ладони, и откликаются на голос, когда аукают; ходящих по лесу людей обходят кругом, чем затмевают их память, и принуждают заблуждаться до ночи».²¹

Однако вместе с тем античная мифология продолжает оставаться образцом, на который ориентируются художники и писатели. Она превратилась в систему образов и эмблем, прочно вошедших сначала в западноевропейскую, а затем и в русскую культуру. Необходимость ориентироваться в этой системе, чтобы лучше понимать зарубежное искусство и, в частности, литературу, стимулирует рост распространения иностранных мифологических словарей. В образовательной программе русских учебных заведений мифология входит в перечень предметов изучения, в связи с чем увеличивается количество мифографических изданий, которые в энциклопедической форме повествуют об античных богах, полубогах и героях и нередко содержат иллюстрации. В основном это французские и немецкие словари, которые, как можно судить из их предисловий, переводятся на русский язык, чтобы обеспечить их доступность воспитанникам пансионов, не владеющим иностранными языками в должной степени.

Таким образом, западноевропейские мифографические издания, будучи доступными не только на языке оригинала, но и в значительной части — в русских переводах, могли служить образцом и для словарей славянского баснословия.²² Впрочем, назначение тех и других несколько различалось: если западные энциклопедии выполняли общеобразовательную функцию, то словари русского баснословия знаменовали собой попытку утвердить славянскую мифологию как имеющую тот же статус, что и у античной. Так, «Краткий мифологический лексикон» (1767) М. Д. Чулкова вмещает в себя богов греческих, римских, египетских, славянских мифов, расположенных не по «национальному», а по алфавитному принципу, как бы собирая всех персонажей в одну общую мифологию. Конечно, в этом издании находится место лешим, сатирам и пану. Здесь Чулков представляет читателям леших как лесных богов, которые «сверху до половины имеют стан человеческий, с козлиными притом на голове рогами, а от пояса

²⁰ Ср. описание в словаре Г. А. Глинки: «Когда идут по лесу, то равны с лесом; когда же по траве, равны с травой» (*Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804. С. 122*).

²¹ Чулков М. Д. Словарь русских суеверий. СПб., 1782. С. 192.

²² Слово «баснословие» являлось общеупотребительным синонимом «мифологии» в XVIII–XIX веках.

простираются у них козлиные ноги». ²³ Далее речь идет о сатирах: «Сатиры, или Лешие, лесные боги, <...> до половины человеки, а нижняя часть козлиная с стоящими ушами и рогами». ²⁴ Описание тех и других выглядит почти одинаково и совершенно разнится с более поздней характеристикой леших в «Словаре русских суеверий».

Приведенные примеры не означают, что Чулков и составители других словарей русского баснословия ориентировались только на западноевропейские мифографические издания и из них черпали сведения для изображения славянских духов по аналогии. Описания леших в «Лексиконе» и «Словаре русских суеверий» показывают, что Чулков, как и другие его коллеги по перу, старались опираться на отечественные исторические и этнографические труды. Об этом же свидетельствуют и их предисловия. Однако реконструкция славянской мифологии во многом велась с опорой на античную систему, и в этой связи сравнение славянских божеств с греко-римскими превратилось в устойчивый шаблон, к которому прибегали не только писатели, но и историки.

Так, Попов и Чулков одним из своих источников имели «Древнюю Российскую историю» (1766) М. В. Ломоносова, в которой автор не только приводит сравнительный ряд античного и русского пантеонов, но и распространяет этот ряд на низших духов: «Что значат известные в сказках полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? Не гиганты ли волоты? Не нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки?» ²⁵ По мнению Ломоносова, русская и греческая мифология имеют неоспоримое сходство, и это мнение не принадлежало только ему, но было и в трудах других исследователей. В. Н. Татищев, чью «Историю» считают первым «научным» опытом о славянском языке, ²⁶ описывая русский пантеон, также следует принципу антично-русского соотнесения: Перуна он уподобляет Юпитеру и Тору, «Стрибо, скорее всего, Марс», а русалки ассоциируются с нимфами. ²⁷ Даже когда к началу XIX века накапливается этнографический материал, раскрывающий, напротив, специфику и уникальность национальной мифологии, устойчивость этого шаблона приводит к тому, что античные реминисценции вплетаются в сугубо национальные поверья. В «Истории государства Российского» (1818) Н. М. Карамзин пишет: «...доныне простые люди говорят у нас о леших, которые видом своим подобны сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, обходят их кругом и сбивают с пути; о русалках или нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троицыным днем)». ²⁸

Обобщая представления, зафиксированные в конце XVIII — начале XIX века о леших в популярных мифологических словарях, можно вычленил повторяющиеся из издания в издание характеристики: 1) лешие подобны сатирам, с козлиными ногами и рогами; 2) изменяют свой рост по высоте деревьев или травы; 3) «аукают», «обходят» людей, заставляя их блуждать по лесу. Впрочем, в русской художественной литературе конца XVIII — начала XIX века лешие встречаются нечасто, и ассоциация с их античным аналогом постепенно уходит на задний план, уступая место изображению фольклорных черт: лесной дух становится неприметен, невидим, меняет свой облик и оттого страшен. В каком-то смысле его неуловимость вписывается в концепцию «таинственного», нашедшего отражение в романтической традиции. Так, в «Пастухе» (1820) П. А. Плетнева ²⁹ таинственный голос манит пастуха в чащу, но обладатель этого голоса не показывается. Такой же сюжет разворачивается в балладе Л. А. Якубовича

²³ Чулков М. Д. Краткий мифологический лексикон. [СПб.], 1767. С. 42.

²⁴ Там же. С. 69.

²⁵ Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого или до 1054 года... СПб., 1766. С. 101.

²⁶ Это мнение, в частности, выразил В. Н. Топоров. См.: Топоров В. Н. Боги древних славян // Очерки истории культуры славян / Ред. В. К. Волков, В. Я. Петрухин, А. И. Рогов и др. М., 1996. С. 161.

²⁷ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1. С. 16–17.

²⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 81–82.

²⁹ Плетнев П. А. Пастух (баллада) // Сын отечества. 1820. Ч. 61. № 13. С. 35–37.

«Леший»³⁰ (1831): голос из чащи стремится увести героя в лес. В других произведениях, где леший появляется эпизодически, упоминаются лишь его характерные черты, которые вступают в художественно-ассоциативный ряд: в «Руслане и Людмиле» (1820) А. С. Пушкина «леший бродит»,³¹ в «Тройке» П. А. Вяземского (1834) «леший ведьме вторит и аукается с ней»,³² в отрывке «Днепровский берег» (1829) «обходит леший прищелков». ³³ Под влиянием романтизма в художественной литературе все больше проступают отголоски национальных преданий, и это позволяет говорить о проявлении внимания к еще одному источнику художественных опытов данного периода — устным рассказам и суевериям, которые практически не фиксировались в первых мифологических словарях.

Таким образом, в русской литературе конца XVIII — начала XIX века наблюдается картина одновременного сосуществования двух, казалось бы, противоречивых традиций изображения русских демонологических персонажей. Одна наследует художественное представление о мифологических полубогах и влечет за собой включение античных реминисценций в рамки образа, характеризующегося как славянский. В этих случаях черты славянских леших и русалок почти неотличимы от греческих сатиров и нимф. Другая традиция проистекает из научного подхода к изучению славянского язычества и введения русских суеверий в сферу историко-культурного наследия, а развитие этнографических исследований вносит свои коррективы в закрепление в печатном слове национальных фольклорных представлений. Именно эта, вторая традиция окажется доминирующей, и уже ближе к середине XIX века мы можем наблюдать, как в русской литературе леший в виде седого старичка встречает в лесу заблудившегося путника, а зеленоволосая русалка, смеясь, качается на ветвях.

³⁰ Якубович Л. Леший // Северные цветы на 1832 год. СПб., 1831. С. 142–143.

³¹ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Повести и поэмы Александра Пушкина. СПб., 1835. Ч. 1. С. 7.

³² Вяземский П. А. Тройка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: [В 12 т.]. СПб., 1880. Т. 4. С. 188.

³³ Елагин. Днепровский берег (Отрывок из романтической поэмы: Владимир Великий) // Московский телеграф. 1829. Ч. 29. № 20. С. 458. К сожалению, идентифицировать автора пока не удалось.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-46-51

© Л. А. Трахтенберг

ПОВЕСТЬ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ШТОСС»: ОБ ИСТОЧНИКЕ ФИНАЛА

Завершающие фразы последнего из прозаических произведений М. Ю. Лермонтова: «Надо было на что-нибудь решиться. Он решился»¹ — остаются в памяти читателя благодаря своей риторической яркости, подчеркивающей неожиданный обрыв повествования;² а благодаря своему месту в тексте и тем самым во всем творчестве

¹ Лермонтов М. Ю. <Штосс> / Подг. текста Е. М. Хмелевской // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. Проза, письма / Ред. Б. В. Томашевский. С. 366.

² О проблеме завершенности «Штосса» см.: Вацуро В. Э. Последняя повесть Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1979. С. 251–252; Щерблякин И. П. К трактовке аллегорий символично-философской повести Лермонтова «Штосс» // Русская литература. 2004. № 3. С. 125; Кривонос В. Ш. «Штосс» М. Ю. Лермонтова: обрыв текста или обрыв сюжета? // Новый филологический вестник. 2010. № 4 (15). С. 102–110; Заславский О. Б. Закончен ли «Штосс»? // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 4. С. 52–59 (здесь представлена и литература вопроса).

12. *Фоменко И. Ю.* Алексеев Иван Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. А–И.
13. *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.

References

1. *Barenbaum I. E.* Frantsuzskaia perevodnaia kniga v Rossii v XVIII veke. M., 2006.
2. *Derbov L. A.* Obshchestvenno-politicheskie i istoricheskie vzgliady N. I. Novikova. Saratov, 1974.
3. *Deriugin A. A. V. K.* Trediakovskii — perevodchik. Stanovlenie klassitsisticheskogo perevoda v Rossii. Saratov, 1985.
4. *Fomenko I. Iu.* Alekseev Ivan Alekseevich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. L., 1988. Vyp. 1. А–И.
5. *Longinov M. N.* Novikov i moskovskie martinisty. SPb., 2000.
6. *Martynov I. F.* Knigoizdatel' Nikolai Novikov. M., 1981.
7. *Rak V. D.* Stat'i o literature XVIII veka. SPb., 2008.
8. *Satiricheskie zhurnaly N. I. Novikova / Red., vstup. stat'ia i komm. P. N. Berkova. M.; L., 1951.*
9. *Shtrange M. M.* Demokraticheskaia intelligentsiia v Rossii v XVIII veke. M., 1965.
10. *Stepanov V. P. Kolosov Stepan Prokof'evich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2. K–P.*
11. *Stepanov V. P.* Novikov Nikolai Ivanovich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2. S. 363.
12. *Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725–1800. M., 1963–1966. T. 1, 3.*
13. *Zaborov P. R.* Russkaia literatura i Vol'ter. XVIII — pervaa tret' XIX veka. L., 1978.

Юлия Анатольевна Долгих

инженер-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета;
научный сотрудник Научно-исследовательского отдела
редкой книги Библиотеки Российской академии наук

Julia Anatol'evna Dolgikh

Researcher-Engineer, St. Petersburg State University;
Researcher, Research Department of Rare Books,
Russian Academy of Sciences Library

ORCID: 0000-0003-1826-7435

ju-d@mail.ru

**ПОЧЕМУ ЛЕШИЙ КОЗЛОНОГИЙ:
АНТИЧНЫЙ СЛЕД В ОСВОЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА**

**WHY THE *LESHY* HAS THE GOAT'S FEET: TRACES OF ANTIQUITY
IN THE TREATMENT OF THE FOLKLORE CHARACTERS
IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE 18TH — EARLY 19TH CENTURY**

В статье рассматривается влияние античных реминисценций на русскую литературную демонологию конца XVIII — начала XIX века на примере сюжетов с лешими. Общекультурная ориентация на античную мифологическую систему приводит к тому, что славянский леший ассоциируется с античным сатиром и в художественном выражении получает соответствующий облик. Интерес к национальной мифологии в конце XVIII века провоцирует развитие этнографических

исследований и создание словарей славянских суеверий, в которых описываются персонажи русского фольклора. Однако в них славянские духи также наделяются чертами своих античных прототипов: лешие описываются как сатиры, русалки как нимфы. Эти реминисценции порождают противоречия в представлениях о демонологических персонажах, которые отразились в дальнейшем в русской художественной литературе.

Ключевые слова: леший, сатир, мифологические словари, античные реминисценции, демонологические персонажи, русская литература конца XVIII — начала XIX века.

The article deals with the influence of the Antiquity reminiscences on the Russian literary demonology of the late 18th — early 19th century, using the *leshy* stories as the case study. Because of the general cultural orientation towards the mythological system of the Antiquity, the Slavic *leshy* was associated with the antique satyr and looked like one in the works of art. The late 18th century interest in the national mythology gave rise to ethnographic research, as well as to the composition of the lexicons of Slavic superstitions, describing the characters of the Russian folklore. Still, in these lexicons the Slavic demons tended to retain the features of their ancient prototypes: the *leshys* had strong resemblance to satyrs, the mermaids to nymphs. Such reminiscences introduced tensions to the representations of the demonological characters, that were later reflected in the Russian literature.

Key words: *leshy*, satyr, mythological lexicons, reminiscences of the Antiquity, demonological characters, Russian literature of the late 18th — early 19th centuries.

Список литературы

1. Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьев, Л. И. Алехина. М., 1991.
2. Жуковский В. А. К Воейкову. Послание // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1.
3. Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004.
4. Маркин П. Ф. Славянская мифология как мировосприятие и текст русской литературы. Барнаул, 2009.
5. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2.
6. Топоров В. Н. Боги древних славян // Очерки истории культуры славян / Ред. В. К. Волков, В. Я. Петрухин, А. И. Рогов и др. М., 1996.
7. Тредиаковский В. К. Леший и мужик // Тредиаковский В. К. Соч. и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подг. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009 (сер. «Литературные памятники»).
8. Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды русского Севера. СПб., 1996.

References

1. Cherepanova O. A. Mifologicheskie rasskazy i legendy russkogo Severa. SPb., 1996.
2. Drevnerusskaia pritcha / Sost. N. I. Prokof'ev, L. I. Alekhina. M., 1991.
3. Krinichnaia N. A. Russkaia mifologiia. Mir obrazov fol'klora. M., 2004.
4. Markin P. F. Slavianskaia mifologiia kak mirovospriatie i tekst russkoi literatury. Barnaul, 2009.
5. Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725–1800. M., 1964. T. 2.
6. Toporov V. N. Bogi drevnix slavian // Ocherki istorii kul'tury slavian / Red. V. K. Volkov, V. Ia. Petrukhin, A. I. Rogov i dr. M., 1996.
7. Trediakovskii V. K. Leshii i muzhik // Trediakovskii V. K. Soch. i perevody kak stikhami, tak i prozoiu / Izd. podg. N. Iu. Alekseeva. SPb., 2009 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
8. Zhukovskii V. A. K Voeikovu. Poslanie // Zhukovskii V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1999. T. 1.